

2. Бейли Д. Некоторые значения «частного в социологическом мышлении» [Текст] / Д. Бейли // Социальные и гуманитарные науки. Отеч. и зарубеж. Литература : Сер.11 : Социология: РЖ/РАН. – М., 2001. – №3. – С. 17–21.

3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну [Текст] / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.

4. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 432 с.

5. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства или Конец социального [Текст] / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2000 – 96 с.

6. Бороноев А.О. Проблемы личности: поиск социологического образа [Текст] / А.О. Бороноев // Проблемы теоретической социологии. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000. – Вып.3. – С.129–135.

7. Вирильо П. Машина зрения [Текст] / П. Вирильо. – СПб.: Наука, 2004. – 140 с.

8. Козырьков В.П. Регулятивные аспекты частной жизни: обоснование программы спецкурса [Текст] / В.П. Козырьков // Вестник ННГУ. – Вып.1(5). – 2004. – С.138–148.

9. Мещеркина Е.Ю. Частная жизнь как предмет социологического анализа [Электронный ресурс] / Е.Ю. Мещеркина. – Режим доступа : http://demoskope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_018.html – Загл. с экрана.

10. Сеннет Р. Падение публичного человека [Текст] / Р. Сеннет. – М.: Логос, 2002. – 424 с.

11. Согомонов А. Глокальность (очерк социологии пространственного воображения) [Текст] / А. Согомонов / Глобализация и постсоветское общество. – М.: Изд-во ООО «Стови», 2001. – 224 с.

12. Хани, Л. Группы самопомощи в постсоветской Москве: неолиберальные дискурсы «Я» (self) и социальная критика [Текст] / Л. Хани // Laboratorium. Журнал социальных исследований. – 2014. – № 6. – С.141–147.

Ходус О.В. Приватність як самостійна проблема та предмет наукового аналізу.

Артикульовано тези про природу приватності в просторі сучасного соціуму. При цьому ракурсі аналізу зосереджений на аналізі процесу приватизації як соціального ефекту тенденції індивідуалізації. Соціальна приватизація розглядається як процес структуризації і заповнення особистістю свого життєвого простору певними формами життєдіяльності, виходячи зі своїх приватних уподобань, інтересів, уявлень.

Ключові слова: приватність, публічність, регуляція приватності, індивідуалізація

Khodus H. Privacy as a separate issue and the subject of scientific analysis.

The thesis about the nature of privacy in the space of modern society is articulated. In this perspective the analysis is focused on the analysis of the privatization process as the social impact of the trends of individualization. Social privatization is understood as a process of structuring and filling personality of its living space defined forms of vital activity based on their private preferences, interests, representations.

Key words: privacy, publicity, regulation of privacy, individualization.

Надійшла до редколегії: 29.04.14 р.

УДК 215

А. К. Чаплыгин, Е. Е. Сук

Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет

КОЛЫБЕЛЬ НОВОЙ ДУХОВНОСТИ ИЛИ «БЕРМУДСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК»?

Рассмотрены взаимоотношения между религией, философией и наукой в современных условиях. Раскрыты возможности диалога между философией и богословием в технологизированном обществе. Показано, что диалог этот возможен при условии сохранения взаимной толерантности и терпимости. Обозначены сферы общественной жизни, в которых возможен такой диалог. В качестве приоритетного представлен нравственно-воспитательный аспект сотрудничества представителей разных конфессий и философской общественности.

Ключевые слова: религия, философия, наука, диалог, общественное сознание, духовность.

В последние годы в научном и церковном сообществе все чаще звучит тема взаимодействия науки и религии. Стала актуальной проблематика различия и сходства научного и религиозного мировоззрений, характерных для них методов познания, а также наличия оснований для диалога между ними.

Исторически взаимоотношения между религией, философией и наукой складывались таким образом, что толерантный и конструктивный диалог часто замещался конфронтацией, конфликтностью, преследованием инакомыслия. Память услужливо подсовывает примеры, вбитые в сознание десятилетиями господства «научного» атеизма: трагическая судьба Сократа и Дж. Бруно, унижения Галилео Галилея, исчисляемые тысячами жертвы инквизиции, охота на ведьм и т. п. Но справедливости ради стоит включить в этот мартиролог и те многочисленные жертвы, которые шли на заклятие якобы ради торжества науки и «единственно истинной» философии в тоталитарном обществе. Но и ранее, едва европейская наука и просветительская философия окрепли, они совместными усилиями создали мировоззренческое пугало атеизма под прикрытием мифа о религии, как средстве обмана наивного Жака или Ивана, со стороны священнослужителей. Так что сегодня искать виновных – дело не только безнадежное, но и

непродуктивное, не способствующее разворачиванию диалога между различными мировоззренческими системами, между философией и богословием, в частности.

Однако возникает вопрос – а какова конечная цель такого диалога, ради чего его необходимо поддерживать? Каким видится итог этого диалога? Может ли он мыслиться как некий отказ примата науки над религией или как достижение корректной позиции в отношении друг друга?

Бесспорно, что религия является формой общественного сознания, а церковь – социальным институтом, которые на протяжении веков лелеяли и прививали людям духовность в ее социальном и индивидуальном смыслах.

В условиях, когда духовная жизнь человека и общества была слабо дифференцирована, религия была той силой, которая цементировала общество и выражала духовность, как таковую. Но ситуация изменилась с обретением относительной самостоятельности искусством, философией, наукой, моралью, которые призваны воплощать идеалы Красоты, Мудрости, Истины, Добра, становящиеся рядом с религиозными Верой, Надеждой, Любовью в стремлении поддержать духовные основы общества.

Анализ научных материалов по проблеме духовности в философских исследованиях позволяет определить духовность как результат и уровень развития нравственности человека, приобщения его к общечеловеческим ценностям. При этом «дух» рассматривается многими исследователями как культурологическая, мировоззренческая категория. Современная философия отождествляет духовность с развитием интеллекта, формированием мировоззрения, убеждений, с саморазвитием и самореализацией личности, считая, что высшим уровнем сформированности духовности личности, её сердцевиной являются мировоззрение и стойкие моральные принципы, идейные убеждения, идеалы, соответствующие общечеловеческим и национальным ценностям, составляющим в целом её ядро [1, 6].

Религиозный подход связывает духовность с религиозным духом, со способностью человека открыть сердце с божественной энергии. Так, Н.Бердяев духовность рассматривает, как глубинное «Я» человека. Именно духовность, идущая из глубины, по его мнению, и есть сила, образующая и поддерживающая личное в человеке [2, с. 123].

Созвучны этим взглядам и мысли И.А.Ильина, который подчеркивал, что «...говоря о духовности или о духе, не следует представлять себе какую-то непроглядную метафизику или запутанно-непостижимую философию... Дух не есть ни привидение, ни иллюзия. Он есть подлинная реальность, и притом драгоценная реальность, - самая драгоценная из всех... Дух есть дыхание Божие в природе и человеке; сокровенный, внутренний свет во всех сущих вещах; - начало, во всём животворящее, осмысливающее и очистительное. Он освящает жизнь, чтобы она не превратилась в мёртвую, невыносимую пустыню, в хаос пыли и в вихрь злобы; но он же сообщает всему сущему силу, необходимую для того, чтобы приобщиться духу и стать духовным». [3, с. 223].

К уникальному свойству человеческого существа, делающего его человеком, относил духовность Александр Мень, объяснял, что «...духовность есть обладание духом, бессмертным, творческим, этическим, свободным духом... Духовность есть проявление духа. Человеческая духовность не есть наше изобретение. Мысль человека отображает Мысль космическую, сознание человека отображает космическое Сверхсознание, духовность человека связана с высшим духовным планом бытия» [4].

В целом, религия рассматривает человека как совокупность духа, души и тела или, соответственно, духовности, душевности и телесности. При этом особо подчёркивается мысль об их иерархичности, о доминирующем положении духовности над душевностью и телесностью. Подвижник-аскет Феофан Затворник утверждал, что по своему естественному назначению человек должен жить в духе, духу подчинять и духом проникать всё душевное, а тем паче телесное, а за ними и всё своё внешнее, то есть жизнь семейную и общественную.

Однако, в условиях современных сложных социально-культурных сдвигов, сопровождающихся кризисом традиционализма, поиск адекватных путей восстановления и развития духовности вряд ли возможен в одиночку – будет ли это религия, или философия, или искусство, наука. В этом и заключается необходимость диалога с упором на продуктивные, а не конфронтационные аспекты.

К сожалению, развитие отношений между религией

с одной стороны, и философией и наукой, с другой, – демонстрировало скорее последнее, чем стремление к сотрудничеству. Именно об этом напоминает сравнение этого взаимодействия с Бермудским треугольником: в топке идейной конфронтации бесследно исчезали целые пласты духовности, добрые намерения и надежды. Но наконец-то настает, будем надеяться, пора взаимопонимания и сотрудничества, ибо от этого зависит судьба человечества. Однако при этом следует четко отделять те элементы, опираясь на которые возможно сближение позиций, от того, что составляет основу различий, без которых та или иная форма духовности «потеряла бы свое лицо».

Вообще, проблема диалога сегодня чрезвычайно актуальна не только в полидуховном пространстве, образующем указанный выше треугольник (религия, философия, наука), но и как внутриконфессиональная (например, между тремя существующими в Украине православными церквями), межконфессиональная (между тремя основными направлениями христианства в целом, а также между христианством и исламом, буддизмом и христианством).

Более того, диалоговая коммуникация рассматривается как действенное средство объединения человечества на межкультурном и межцивилизационном уровнях.

Сферы общественной жизни структурно меняются, совершенствуются, развиваются. Не меньше изменений происходит и в духовной сфере. С продвижением общества по пути социального прогресса изменялась и духовная жизнь людей. Если, например, в Средние века в Европе грамотные люди в основном были заняты изучением Библии, то в 18 веке они читали не только Библию, но и множество других книг. А современный человек в своем распоряжении имеет не только печатную продукцию, но и телевидение, радио и т.д. Но вместе с тем духовная сфера жизни является инвариантной, т.е. постоянной в том смысле, что возложенные на нее функции постоянны на протяжении всей мировой истории. [5, с. 7].

Возвращаясь к обозначенному в статье диалогу-противостоянию религии, философии и науки, следует отметить, что здесь в первую очередь речь идет о взаимодействии религиозного опыта и философствования, которое и в прошлом приводило к плодотворным результатам. Таким был позитивный опыт синтеза иудеохристианской и античной (по сути восточной и западной) традиции в европейской философии Нового времени, когда религиозный опыт становился импульсом философского и научного творческого мышления. Европейская традиция, восходящая к античности, высоко ценившая единство разума и нравственности, вместе с тем прочно связывала философию с наукой. Еще греческие мыслители придавали большое значение подлинному знанию и компетентности в отличие от менее научного, а порой и просто легковесного мнения. Такое различие имеет принципиальный характер для многих форм человеческой деятельности, в том числе и для философии. Первую попытку обрисовать круг задач философии, перед лицом существующих и только начинающих формироваться конкретных наук, в свое время предпринял Аристотель. В отличие от частных наук, каждая из которых занята исследованием своей области явлений, он определил философию как учение о первопричинах, первопринципах, самых общих началах бытия. Теоретическая мощь философии представлялась Аристотелю несоизмеримой с возможностями частных

наук. Именно поэтому философию он называл «госпожой наук», считая, что другие науки, как рабыни, не могут сказать ей против ни единого слова. В Древней Греции философия зародилась в качестве всеобъемлющей науки – само слово «философия» означает «наука». Эта наука была направлена на все, что вообще было способно или казалось способным стать объектом познания. Будучи сначала единой и нераздельной, философия, при разобщенности отдельных наук, становилась отчасти силой, соединяющей результаты деятельности всех остальных наук в одно общее познание, а кроме того, она становилась проводником нравственной и религиозной жизни. В качестве примеров можно также сослаться на становление мировоззрения таких разных мыслителей, как Августин Блаженный, Р. Декарт, Г. Галилей.

Не менее часто интенсивное философствование приводило к более глубокому пониманию Священных текстов и поучений, даже без обретения глубокой и искренней религиозной веры.

Как отмечают М.В. Бабкова и Т.Г. Скороходова, и сегодня отечественная и западная философская мысль, «взыскуют духовных смыслов в трудной работе понимания Другого перед вызовами постмодернистской философии и культуры» [6, с. 164]. И добавим, перед угрозами и вызовами техногенно-технологизированной цивилизации в целом.

Во всяком случае, одно можно сказать твердо: освоение текстов Библии способствует установлению взаимопонимания между философами и богословами, независимо от того, как воспринимаются ее тексты: как источник религиозного и философского вдохновения или как историко-культурный памятник. Соответственно, имеют право на существование идеи «о вдохновляющей и интенциональной роли текста Библии соответственно в защите своей веры и традиции», а также «в пробуждении веры и в стимулировании развития религиозной и социально-философской мысли» [2, с. 164].

Если попытаться сравнить исходные позиции религии, искусства, философии и науки не только с точки зрения различия их исходных принципов, функций и мировоззренческих результатов (которые часто неустраняемы и выступают источником противоречий), а и с позиций поиска точек соприкосновения, то картина представится не такой уж безнадежной.

Так, несомненна близость искусства и религии с точки зрения используемых методов постижения мира, соотношения рациональных и интуитивных средств, образного и логического. То же с известной долей условности можно сказать и о взаимоотношении религии и философии. Хотя исторически и с той, и с другой стороны допускались крайние, конфронтационные усилия (инквизиция и философский атеизм), тем не менее, развитие современной философии показывает, что нерелигиозные философы охотно воспринимают идеи коллег из противоположного лагеря и наоборот, если они не противостоят исходным позициям друг друга. Например, «Исповедь» Августина Блаженного, репрезентирующая Путь автора к Богу, была представлена нами как универсальная модель творческого процесса, направленного на саморазвитие человека [7, с.51–61].

Вместе с тем, труднопреодолимо противостояние науки и религии, которые коренятся в их исходных сущностных принципах, поскольку наука имеет отношение к области естественного, а религия – сверхъестественного; наука руководствуется эмпирическим опытом, а религия – опытом мистическим; для науки принципиальна «проверяемость»,

для религии – «экзистенциальный выбор».

Как отмечает Е. Л. Фейнберг, развитие науки «вступило в противоречие с представлениями о структуре мира, закрепленными в древних (священных) книгах, если их тексты понимать не символически, а буквально» [7, с. 58]. При этом если открытия в науке изменяли заключенные в ней знания количественно и качественно, то церковь отстаивала незыблемость каждого слова священных текстов. Не уменьшают уязвимости религиозной картины мира и попытки использовать новые научные данные авторитетом текстов Библии (например, трактовать как подтверждающие идею креационизма – Божественного творения, – теории Большого взрыва, расширяющейся Вселенной и т. п.). Такого рода попытки поиска аргументов для религии в науке лишь дискредитируют саму религию: «лишая религиозное учение чудес, наука размывает основные элементы религии – мистицизм и тайну» [8, с. 59]. И, кроме того, дальнейшее развитие науки будет разрушать достигнутое было согласие между наукой и религией в отдельных вопросах, не устраняя противоречий между ними в целом.

Непреодолимым выглядят также противоречие между пониманием роли сомнения в религиозной вере и в науке. Для последней принцип сомнения («Сомневаться во всем») – основополагающий. Для религии характерно требование веры без сомнения также незыблемо. Здесь признается сомнение лишь как временное состояние, допустимое как частный случай на Пути к Абсолюту. Сомневаться можно в самом себе, но не в существовании Бога и в слове Библии.

Поскольку поглощение наукой религии (через атеизм), как и религией науки, оказалось безуспешным, остается признать их право на самостоятельное существование без попыток нарушить эту автономию или навязать противоположной стороне собственное видение мира. Для мыслящей личности вполне приемлемым должно быть признание символизма Библии, и ее изложение в соответствующих текстах нельзя понимать буквально. Собственно, к этому призывал украинский философ Г. Сковорода, который писал, что вся премудрость Божья сосредоточена в Библии, святое письмо – «Сладкие щели Божьи», по сравнению с этой премудростью «все мудрости мира не что иное, как рабские хитрости» [9, с. 155]. Однако святое письмо подобно реке или морю, прячущие за толщей воды глубины, которые на первый взгляд таковыми не являются. «Богословие учит или исцеляет наиболее таинственные в душе начала, советы и мысли, оно есть не что иное, как искоренение злых мыслей». [10, с. 245].

Верующий рассматривает Библию как источник религиозного вдохновения, философ – как символическое, нравственно наполненное поучение, математик – как послойное наложение информации и деление библейских событий на группы и подгруппы, размеры которых заданы математическим содержанием духовных концепций христианства, культуролог – как историко-культурный памятник [11, с. 302].

В таком случае Библия предстает перед ищущим умом как высоко художественное, достаточно стройное собрание притч, имеющих дидактический характ. Левин или Пьер Безухов у Л. Толстого и библейский Моисей в таком случае воспринимаются одинаково: не как реальные, живые люди, а как образы, символизирующие нравственные и религиозные ориентиры, оказывающие воспитательное воздействие на человека, и по сути, «работающие» в пользу духовности, возвышающей

человека над его повседневными заботами.

Ситуация в современном социуме выглядит сложнее, чем это кажется на первый взгляд в том числе в духовном отношении. Человек оказался вовлеченным в сложные и противоречивые процессы, которые осуществляются в условиях более высокой степени свободы и большей возможности выбора между конкурирующими и часто противоположными мировоззренческими позициями. Среди них крайними являются «голый» рационализм или слепая фанатическая вера. Но как отмечает А.А. Игнатъев, наиболее приемлемым выглядит «трудный, но социально и личностно плодотворный синтез веры и знания, credo и cogito вместе с ответственностью за происходящее в мире людей» [12, с. 166]. И далее: «Синтез веры и познания, религиозного опыта и рационального мышления, активное продвижение этого синтеза в общественном сознании является неупразднимым императивом общества..., несмотря на вызов постмодернизма, апеллирующего к отмене универсальных ценностей и объявившего о «смерти человека»» [Там же].

Крайности сегодня одинаково опасны для общества – выбрать ли слепую, нерассуждающую веру – традиционалистский тип мировоззрения; или – отвергнуть целиком религию, как это было сделано в уходе от нас прошлом. В первом случае это может привести к тому, что определенные общественные круги могут счесть знание, науку препятствием на пути достижения великих духовных ценностей («Новое средневековье») и откроет дорогу религиозному фанатизму, фундаментализму, ставящим социум выше личности и ограничивающим свободу человека. Такой же результат может быть и в случае отрицания веры и религии как таковой, с той разницей, что разрушение свободы будет исходить от тех, кто якобы знает, как надо правильно поступать, опираясь на знание.

Возможность синтеза религиозного опыта и рационального мышления в современном обществе в какой-то мере облегчена и тем, что то и другое не носят характера чего-то монолитного, единого. И стоит смотреть на проблему диалога не с точки зрения друг друга, не выискивая у противоположной стороны слабости и аргументы в пользу собственной позиции, а ища возможности для сближения.

В этом смысле можно констатировать, что в период безбожия религия не ушла из душ и тех, кто называл себя неверующими или даже атеистами. Вера обращалась на родственно-семейные отношения, на предков, на сохранение памяти о них, перемещаясь в область искусства. Даже вера в коммунизм, в светлое будущее (но здесь стараниями больше власть имущих) в чем-то носила религиозный характер. М.Н. Эпштейн пишет о распространении в период «застойного» социализма и после него так называемой «смутной» и «бедной» веры, носящей полусветский, полурелигиозный характер и существующий вне конфессиональных рамок [13, с. 177].

С другой стороны, у верующих, объединенных конфессионально, проявления веры весьма разнообразны – от глубокой веры с убеждением важности неукоснительного соблюдения обрядности, до смутного представления о чем-то познаваемом материальном.

Но при всем этом следует иметь в виду, что в современных культурно-цивилизационных условиях религиозный опыт и научное знание, как элементы мировоззрения, неизбежно сближаются как бы сами по себе, спонтанно, в силу движения информации в социуме. Поэтому как выбор веры, так и формирование

национального мировоззрения требуют усилий, которые были не обязательны, например, в эпохи, когда та же религия носила принудительный характер или в тоталитарном обществе с его обязательностью веры в науку, в коммунизм, в непорочность властвующей элиты.

И, наконец, на постсоветском пространстве (и в Украине, и в России) раздаются голоса о том, что дальнейшее развитие духовности и общества в целом необходимо, как возвращение к традиционным (читай, – религиозным) ценностям и к положению, когда православная церковь была выразителем и носителем государственной политики. В этом направлении предпринимались и предпринимаются усилия практического характера. Не будем диктовать, что делать нашему северному соседу, а что касается Украины, то вряд ли это возможно в силу внутри- и межконфессионального разнообразия и даже противостояния. В этих условиях гарантией сохранения мира выступает ведущая роль светского государства в обеспечении свободы совести в ее либерально-демократическом варианте, а значит и обеспечение возможности ей для плодотворного диалога.

При этом, несмотря на то, что наука и религия «говорят на разных языках» и, как правило, «не слышат друг друга», необходимо говорить об «условиях их взаимного договора», который, все же принципиально возможен. И в качестве основания для такого диалога можно отметить свойственное им стремление к Истине: ведь наука занимается поиском достоверного истинного знания, а религия связью человека с Богом, как с Истиной. В этом отношении функции философии и роль философа особенно значимы. Поскольку без философии, ее так называемой «модераторской» функции и философа, как «модератора» диалог не может быть достаточно эффективным.

В целом философия вполне могла бы выступить посредником между наукой и религией, позволяющим осуществлять их конструктивный диалог.

Библиографические ссылки

1. Проблемы формирования духовности личности в педагогической теории и практике [Текст]. – М., 2001. – 213с.
2. Бердяев Н. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого [Текст] / Н. Бердяев. – М. : Издат дом АСТ, 2006. – 202 с.
3. Ильин И. О Духовности инстинкта [Электронный ресурс] / И. Ильин. – Режим доступа : http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/ilin/a/j – Загл. с экрана.
4. Мень А. О Духовности. Лекция в ФИАН СССР 8 февраля 1989г. Фонд Александра Менья [Электронный ресурс] / А. Мень.. – Режим доступа : <http://portall.zp.ua/video/aleksandrmen-o-dukhovnosti/id-3LUZi3IT7vZ.html> – Загл. с экрана.
5. Гобозов И.А. История и мораль [Текст] / И.А. Гобозов // Философия и общество : науч.-теор. журнал. – М. : изд-во Учитель, 2010. – № 1(57). – 215 с.
6. Бабкова М. В. Философская мысль и религиозный опыт (обзор научной конференции) [Текст] / М.В. Бабкова, Т.Г. Скороходова // Вопросы философии. – 2013. – №7. – С. 163–168.
7. Чаплыгин А. К. Человек и творчество [Текст] / А.К. Чаплыгин. – Х. : ХНАДУ, 2011. – 604 с.
8. Фейнберг Е. Л. Наука, искусство и религия [Текст] / Е.Л. Фейнберг // Вопросы философии. – 1997. – №7. – С. 54–62.
9. Сковорода Г. Повна академічна збірка творів [Текст] / Г. Сковорода ; за ред. Л. Ушкалова. – Х. : Майдан, 2010. – 1400 с.
10. Философский энциклопедический словарь [Текст]. – М. : Инфра – М., 1997. – 576 с.
11. Сизоненко В.Л. Математика Библии [Текст] / В.Л. Сизоненко, М.И. Беленкова. – Штрих, 2001. – 304 с.
12. Омельчук Р. К. Фанатизм в свете онтологического

підхода к вере [Текст] / Р.К. Омельчук // Вопросы философии. – 2012. – №4. – С. 25

13. Эпштейн М. Н. Религия после атеизма. Новые возможности теологии [Текст] / М. Н. Эпштейн. – М. : АСТ – пресс, 2013. – 416 с.

Чаплигін О.К., Сук О.Є. Колиба нової духовності або «Бермудський трикутник»?

Розглянуто взаємовідносини між релігією, філософією та наукою в сучасних умовах. Розкрито можливості діалогу між філософією і богослов'ям у технологізованому суспільстві. Показано, що діалог можливий за умови збереження взаємної толерантності і терпимості. Позначено сфери суспільного життя, в яких можливий такий діалог. В якості пріоритетного представлено морально-виховний аспект співпраці представників різних конфесій і філософської громадськості.

Ключові слова: релігія, філософія, наука, діалог, суспільна

свідомість, духовність

Chaplygin A., Suk E. The cradle of the new spirituality or «Bermuda triangle»?

Examined the relationship between religion, philosophy and science in modern conditions. The potentialities of the dialogue between philosophy and theology in technologies society. It is shown that the dialogue is possible under condition of preservation of mutual tolerance.

Identified areas of public life, which can have such a dialogue. As a priority presents moral and educational aspect of cooperation of representatives of different religions and philosophical society.

Key words: religion, philosophy, science, dialogue, social consciousness, spirituality.

Надійшла до редколегії: 30.06.14. р.

УДК [1:3]:[130.2:7.01]

С. В. Янковський

Житомирський державний університет імені Івана Франка

СОЦІАЛЬНО-КУЛЬТУРНІ УНІВЕРСАЛІЇ, ЦІННОСТІ ТА СОЦІОКУЛЬТУРНІ СВІТИ СУЧАСНОСТІ У КОНТЕКСТІ ПРОБЛЕМИ СИНТЕЗУ МИСТЕЦТВ ЯК ФЕНОМЕНА ПОСТМОДЕРНОЇ КУЛЬТУРИ

Досліджено процес переосмислення у сучасному соціумі проблем і пошуку нових форм постановки питання не тільки щодо значущості мистецтва, а й до засобів його творення. Соціально-культурний універсалізм мистецтва виступає ресурсом символічних кодів, цінностей людства у трансісторичній площині. Але у практиках, напрацьованих історично в межах конкретних соціально-культурних світів, твори мистецтва несуть й соціально-культурну неповторність як ідентичність. Стверджено, що за умов постіндустріальної цивілізації соціально-культурні універсалії визначають форми та інваріанти структур естетичного обміну.

Ключові слова: соціально-культурні універсалії, постіндустріальна цивілізація, символічний простір, комунікативна функція мистецтва.

Постановка проблеми. Трансформації естетосфери сучасної цивілізації, розпочаті за доби модерну й поглиблені у період постмодерну, суттєво впливають на стандарти генерування та споживання культурних інновацій. Але сучасний бурхливий розвиток соціальних мереж, пошукових систем та інших форм, так би мовити, користувального споживання матеріальних та нематеріальних цінностей свідчать й про подальші, новітні ціннісні зрушення естетосфери сучасної цивілізації за доби постіндустріального світу – не лише на основі соціальної стратифікації чи формування субкультур, а й у вияві функціонування соціально-культурних світів. Загальну тенденцію можна позначити як динаміку перетворення цінностей на вартості. І не дивно, що в першу чергу зазначена тенденція позначилась на естетосфері, оскільки саме нею визначається простір чуттєвого вмісту людських переживань.

На відміну від культурних цінностей і стандартів провідних спільнот доби індустріальної цивілізації, які втілювали порядки розмежування і володарювання, соціально-культурні світи постіндустріальної цивілізації ґрунтуються на відкритості і доступності у спілкуванні, тобто наразі в сучасних локальних спільнотах та соціумі загалом відбувається послідовна демократизація освіти, інтелектуальної праці, комунікації і т.п. Зміни проникають в стани, традиції, сталість культурних форм, умови, засоби, можливості їх споживання. Наприклад, споживач культурних форм в світі індустріальної цивілізації – це «слухач», «глядач», «спостерігач», але в світі постіндустріальної цивілізації він це й, чи насамперед, «користувач», «співучасник». Звідси набуває актуальності пошук відповіді на питання, що саме відбувається із творчою діяльністю і мистецтвом в

обрях культури постіндустріальної цивілізації, та як це впливає на її естетосферу загалом.

Метою статті є дослідження місця і ролі творчої діяльності сучасної людини у контексті специфіки мистецтва і, ширше, естетосфери в культурі постіндустріальної цивілізації, а також питання ціннісної переорієнтації філософсько-культурологічного дискурсу при його аналізі.

Ступінь розробленості проблеми. Визначення подальшої спрямованості розвитку соціально-культурних практик сучасного людства у контексті динаміки соціально-культурних форм сучасної естетосфери (А. Пригорницька) представлено у різних аспектах, а саме: загальна теорія культурної еволюції, творчого процесу, впливу та взаємозв'язку естетичних та етичних факторів соціально-культурної динаміки (Л. Левчук) [6; 7]; проект мистецьких та неklasичних дискурсів сучасного мистецтва (О. Оніщенко) [12]; загальні теоретичні форми синтезу феномена творчості на основі ціннісних орієнтацій із застосуванням компаративістської методології із визначенням матеріалістичного, ідеалістичного, релігійного, теософського тлумачень творчості (С. Карсавін) [5], генезису питання теорії синтезу мистецтв на основі взаємодії різних видів художньої творчості, наприклад, літератури і кінематографу (О. Мацяк, О. Рисак, О. Романова) [10; 16; 18], реалізація здатності людської свідомості до синтезу в контексті життєвлаштування людини (О. Оборська) [11], реалізація образного потенціалу традиційної та сучасної культур (О. Рожок) [17].

У працях українських вчених окреслено питання філософсько-естетичного аналізу розвитку сучасного мистецтва в перспективі методологічних аспектів